

Б 34. Грамота Ст. Р. 35 (стратигр. 20-е–50-е гг. [предпочт. 30-е–40-е] XII в.; вне-стратигр. не ранее 40-х гг. XII в.)

Ъ радослава ко хотеславоу възми оу прасъла :Ѡ: гривене и :Ѡ: коуно
акове брате еби лежа ебехото аесово

Вторая строка написана иным почерком, чем первая; соответственно, документ делится на части Ст. Р. 35а и Ст. Р. 35б. Очевидно, адресат немедленно отреагировал на полученное письмо, попросту приписав к нему свой ответ.

Радослав дает указание своему брату Хотеславу: «Возьми у прасола (торговца) 2 гривны и 5 кун». Это указание Хотеславу резко не понравилось; возможно, брат отсылает его к прасолу вместо того, чтобы просто отдать свой долг (ср. № 690, Г 48). Он ответил язвительно и не стесняясь формой выражения. Обращение *Акове брате* (а не *Радославе*) — по-видимому, ироническое или даже саркастическое: Хотеслав называет брата не мирским, а крестильным именем, да еще со словом *брате*; надо полагать, что это было уместно лишь в церковной или в особо торжественной ситуации, но никак не в сочетании с последующей грубостью. Примерный смысл его ответа — 'Не оригинальничай (веди себя как все)'. По общей тональности такую реплику можно сравнить с современными репликами типа 'А ну, полегче!' К этому Хотеслав присовокупил два замысловатых эпитета для Радослава-Якова: *ебехота* 'похотливый' и *аксова* — по-видимому, сложное слово из *ак* 'яйцо' и *совати*. Весь ответ Хотеслава — яркое свидетельство высокой изобретательности древнерусского человека в сфере небанальных ругательств.

Графика. Ст. Р. 35а: ѡ = о, ѡ → е, ѡ → е; 2) оу ~ оу. Ст. Р. 35б: 1) станд.; 2) е.

Редуцир. (материал есть только в Ст. Р. 35а): I — *гривене*; II — *възми*.

Чрезвычайный интерес представляет сохранение начального *а* (без йотации) в *ак-* 'яйцо'; см. об этом § 2.15^а.

Из морфологии отметим формы Зв. ед.: *Акове, брате* (о-склонение), *ебехото, аесово* (а-склонение).

Очень интересны экспрессивные сложные слова на *-хота* и *-сова*. В современном русском языке в классе существительных общего или мужского рода на *-а* с основой, состоящей из приставки и корня или из двух корней, ничтожно мало слов с положительной или нейтральной коннотацией. Таковы в сущности лишь древнейшие слова *вельможа* и *воевода*, сохранившиеся в основном лишь как исторические термины. Практически все остальные имеют более или менее ярко выраженную отрицательную коннотацию (насмешливую, пренебрежительную, уничижительную и т. п.), носят экспрессивный характер и свойственны в основном разговорной речи (ср. § 5.8, конец). Из общеизвестных таковы, например: *въжсига, недотрога, надоеда, привереда, непоседа, подлиза, растрёпа, растяпа, задира, обжора, повеса, пустомеля*, ср. также *расстрига*. Очень много таких слов имеется на периферии словарного состава языка и в говорах. Так, в словаре Даля находим, например, *заброда, завидя, зацепя, заеда, провора, прѡжсига, пролыга, пройда, ужсима, пустовира, пустозѡва, пусторѡва, пустогрыза* 'брюзга', *пустожсига* 'дармод', *пустохлѡба* 'водохлѡб' (и много других с *пусто-*), *гологрыза* 'нищий, голыш', *кривоньра* 'пролаз, пройдоха', *рукомоя* 'белоручка' и др.; в СРНГ — например, *зablуда, заплѡва* 'бесстыжий', *колоброда, непросьта, ненажора* и т. п. Уникальное свидетельство грамоты Ст. Р. 35 показывает, что описанная коннотация данной морфологической модели существовала уже в XII в. Заметим, что в свете этого становится понятной коннотация слова *пажиро* 'пожиратель, губитель' в Усп. сб. (119в): *вълче и хьщъниче, пажиро дѡамъ*.